

Давление, как известно, обратно пропорционально площади поверхности, поэтому уменьшив эту площадь до самого необходимого предела, можно добиться максимального эффекта. Феликс Чечик декларирует такого рода минимализм практически прямым текстом: *Чик-чирик Агнешка в Польше, / чик-чирик Арбат и Мухета. / Три аккорда, и не больше. / Много это? Мало это? / В небеса по бездорожью, / беззащитные как в тире. / Три аккорда, и не больше, / в лучшем случае – четыре.* Я хотел рассказать об авторе и о его книге «Избранное», проиллюстрировав свои мысли отдельными, особенно удачными фрагментами текстов, но творческий метод автора сильно усложняет мою задачу. «Вырывать» для разбора часть из стихотворения Феликса всё равно, что демонстрировать отдельную шестерёнку или узел, рассказывая о сложном механизме. Или даже иначе – иллюстрировать полёт стрелы в цель отдельными фотографиями.

Поэтому приходится цитировать целиком, а много ли стихотворений можно таким образом разобрать в коротком эссе?! Вот, например, двухчастное, «Бабочка»... Бабочка, как перерождение «умершей» гусеницы, в литературе издревле является символом бессмертной души, шире – всего духовного, божественного.

Бабочка

1

Благодатью ли Божьей / или чьей-то ещё /, на мгновенье, не больше, / сядь ко мне на плечо. / Стань на время наколкой / беззащитно-цветной / или (к счастью, недолгой) / жизнью как таковой.

2

Это бабочка, слышишь? / Только бабочка, но / от волненья чуть дышишь / и на сердце темно. / Это бабочка? Только? / Тень от бабочки? Да? / Испугала надолго, / если не навсегда.

Автор в двух частях показывает отношение смертного к высшему, безмерное желание приблизиться (или вернее, чтобы оно, божественное, приблизилось, стало частью, «наколкой», даровало «жизнь истинную»), и в то же время неукротимый страх этого приближения, животный ужас перед подобным контактом.

Или вот пример «лирики (не)обыкновенной»: *Не будем всё-таки о грустном, / а будем, глядя на огонь, / пить чай, не торопясь, вприкуску: / глаза в глаза, ладонь в ладонь. / Из алюминиевых кружек / вылавливать чайники и / печалиться, не обнаружив, / в сердцах ни капельки любви. / А только странное желанье: / друг в друге раствориться, как / кусочек сахара в стакане / и самолётчик в облаках.*

Если придирчиво разбирать этот текст, то начать можно с весьма сомнительных рифм «грустном – вприкуску», «чайники и – любви» и «как – облаках», однако делать этого не хочется. Автор сказал то, что хотел, и мне интересно это высказывание, а рифмы – дело десятое. Для меня, скорее, единственная неувязочка состоит в том, что литературные герои вначале пьют чай вприкуску, а в конце сахар растворяется в стакане, а не, например, на языке.

Позвольте ещё одно замечание. Для того, чтобы шестерёнки двигались, стрела летела, шёл ток и горела лампочка, необходима «разность потенциалов», два полюса. Вернёмся к стихотворению про бабочку. Два полюса там – вождление и страх близости. В только что процитированном тексте это «не любовь» и желание раствориться друг в друге. А вот в этих строчках, например, стремление к независимости: от людей – и от самой судьбы: *Не скакать перед ними на задних / и не лезть целоваться взапас, / но возделывать свой палисадник, / колдовать над вареньем из роз. / Наблюдать за небесным светилом / в телескоп, потихоньку стареть, / и верёвку с хозяйственным мылом / так, на*

всякий пожарный, иметь.

Теперь предлагаю вашему вниманию замечательный стих о тщеславии. Конечно, речь идёт не о джинсах, а о гениальных поэтических откровениях, которые дарует нам «из загранки приёмный отец». И опять два полюса: желание быть первым и желание стать равным среди первых. Ну хотя бы среди первых на деревне (см. окончание): *Мои первые джинсы за 70 рэ, / светло-синие с клёшами – «Lee», / не какой-нибудь там самопал – во дворе / столько шороху навели! / Я неделю балдел, задирая свой нос, / но всему наступает конец, / и врагу моему «Levi Strauss» привёз / из загранки приёмный отец... / «Враг мой, брат мой, – шепчу я, как будто в бреду, – / мы на взлётной уже полосе, / так давай же, обнявшись, пройдем по стриту / в той, не знающей сносу джинсе!» / Отдыхают «Cavalli», «Armani», «Versa»... / – Кыш, высокие, не до вас! / Светло-синие «Lee», как весной небеса / и, как зимнее небо, «Levi's».*

Видя во всём двойственность, автор, тем не менее, не принимает и не благословляет её. Он ищет чистоты: чистого зла или чистого добра. Или, на худой конец, выхода в третье, «звериное» или даже «травное» измерение, в котором нет ни того, ни другого. Уже в годовалом ребёнке он видит грешника, упрекая его, кажется, раздавленным муравьём, что ли. Да, эта тяга к «пуризму» подаётся Феликсом с изрядной долей иронии, но всё же проходит красной нитью через всю книгу, например: *Человечество подразделяется на / две, как минимум, части, дружок: / кто в неполных тринадцать блевал от вина, / кто ходил в переплётный кружок. / Две, как минимум, части, сливаясь в одно, / образуют единый народ: / мастера мастерят, пьют другие вино, / попадая в такой переплёт. / Ни о чём не тужа, никого не виня, / припеваючи, в общем, живут, / и в едином порыве кладут на меня / все, живущие там или тут. / Не в обиде. Ничуть. Не такое прощал, / тех жалея и этих любя. / А за то, что я пил и кружок посещал, / я и сам презираю себя.*

Хм, скорее презрения достоин тот, кто ни разу не зашёл в переплётный кружок или ни разу не блевал от вина – хотя бы за уозость кругозора. Вспоминается сентенция Воганда о том, что любой предмет отбрасывает тень, и, следовательно, чтобы уничтожить все тени надо стереть с лица Земли все предметы. Порой кажется, что уставший лирический герой склонен так и поступить: смести с доски все фигуры и... начать партию с начала? *Учиться влом, в любви облом, / курить по кругу за углом / и на линейке быть распятым, / и чувствовать себя битлом — / незримым пятым. / Слесарить и качать права, / и водку запивать чернилом, / и аты-баты и ать-два / в ЗабВО, метельном и унылом. / Но не подсесть на озверин / от жизни брэнной или бранной, / и петь про yellow submarine / бурятке Йоке полупьяной. / И снова оцутить: незрим / в своей стране, как в иностранной, / молчи,*

скрывайся и терпи, / живи бездарно и безбожно, / пускай подлодкой на цепи, / но только жёлтой, если можно, / чтоб в полночь получить с небес / от Джона SMS.

Парадоксальным образом при чтении сборника я вспомнил определение социалистического реализма, которому нас учили в школе. Оно звучит примерно так: «художник описывает не наиболее часто встречающиеся явления, а те, которые наиболее полным образом отражают суть нашей советской эпохи». Так и Феликс Чечик требует рисовать человека смотрящим на звёзды, несмотря на то что он всё время смотрит под ноги: *Жесть – это жесть, а не то, что подумали вы: / нужная вещь для ремонта забора-сарая. / Суть, а не слово – не выбросишь из головы, / клёном в осеннем пожаре горит, не сгорая. / Суть, а не слово... Поэтому и человек – / это не то, что снаружи, а то, что по сути: / под ноги смотрит всё время, а будто наверх – / значит, смотрящим на звёзды его нарисуйте. / Вот он стоит: позади и сарай, и забор, / вот он смотрит, не мигая, на звёздное небо. / Жесть, говорите? Нет, просто Серебряный Бор. / Просто кувшин молока в ожидании хлеба.*

А если отбросить иронию, то по прочтении книги хочется долго размышлять о том, что полюса иногда сливаются воедино. И о том, что если достаточно долго идти на запад, то вернёшься в Отчий Дом с востока. И о том, что если внимательно смотреть под ноги, то обязательно увидишь звёздное небо над головой.